

"ЖИЗНЬ ВСЕ РАВНО ПРЕКРАСНА!"

Главное, наверное, что отличает женский характер — это оптимизм и вера в будущее. Именно эти черты особенно отличают нашу героиню — Марию Михайловну Блохину.

Когда арестовали мужа, И.Ф. Сонины, а затем и ее, их детям исполнилось одному — 8 лет, другому — 4 года. Можно представить, что чувствует мать, разлученная со своими детьми, не зная ничего об их участи?! Восемь бесконечных лет провела она за высокой лагерной стеной, за которой ей чудилось поле, в которое она выходит, ложится в мягкую траву и слушает пение птиц... Судьба подарила ей встречу с С.К. Блохиным, который уже после освобождения стал ее вторым мужем (первый муж погиб в лагерях). Сергей Кириллович, фотограф Сталина тоже прошел все круги ада, но сумел сохранить чистоту чувств и желание делать добро. И вот на пепелище двух разоренных семей расцвела новая, в которой обрели родительскую заботу и дети Марии Михайловны, и трое детей Сергея Кирилловича. А когда в 1948 году С.К. Блохина вновь арестовали и сослали в Красноярский край, Мария Михайловна с детьми последовала за ним на поселение, продлившееся вплоть до 1956 года. Так сильный дух прекрасной женщины сумел сохранить и жизнь, и здоровье самым близким людям, "Жизнь все равно прекрасна!" — говорит Мария Михайловна, вспоминая о пережитом (ОАВД. № 26).

Родилась я в 1908 году. Революцию помню, 1917 год. Мне было... лет 9, наверное. Вспоминаю только, как солдаты шли, шапки вверх бросали.

Папа у меня был приказчиком, работал у купца, мальчиком был отдан. И так он нас в войну оставлял, в армии был. А потом в Пензу попал, работал по снабжению продовольствием армии. Потом он был директором универмага, большой был специалист по мануфактуре, его даже приглашали в техникум, как консультанта.

В одиннадцать лет я осталась сиротой. Нас осталось после смерти матери 4 ребенка. Папа через восемь лет женился, и я уехала в Ленинград. Там я встретила своего будущего мужа, за которого я потом сидела, Ивана Федоровича Сонины. Он уроженец деревни, из среднего крестьянства, прошел Гражданскую войну, сражался под Перекопом. Дядя его был повар Кремля. Он кормил Ворошилова, Молотова. Поступив на рабфак, Сонин закончил трехгодичные курсы в два года, поступил в Ленинградский Политехнический институт на теплофакультет. И я поступила в институт, но вскоре я вышла замуж за Сонины. Стипендия была очень маленькая...

После окончания института мы едем в Батум, где муж работает на электростанции инженером. Но вскоре он рассчитался и мы вернулись в Ленинград. Нам дали сразу гостиницу, а потом, через месяц, дали две

комнаты. Муж стал работать старшим инженером на заводе "Красный треугольник". В 1937 году его арестовывают. Однажды он пришел с работы и говорит:

"Знаешь, директора арестовали". Я говорю: "Так он ведь дворянин, а ты что?" И пожалуйста, через день—два его забрали. Причем, Когда брали, сестра была дома, она говорит, что самое ужасное было то, что сняли с него резинки (раньше носки на резинках были).

Значит, резинки сняли и пояс от штанов. Вот так — штаны валяются, носки тоже. Сказал только: "Марии скажи, что я вернусь". Так сказал он сестре, а я была на даче с детьми. Она прибегает ко мне и говорит: так, мол, и так, Ванечку арестовали. Я приехала сразу. Было ему всего 36 лет. Арестовали его в июле, а меня 5 сентября.

Пришли ночью, очень грубо, сразу же — собирайтесь. Какое тут собираться, когда я бегу в туалет, извините, они мне стучат. Думают, что я там удавлюсь, или что. Детишки у меня, двое детей, 8 лет и 3 года 8 месяцев, спали в отдельных кроватках. Не дали нам проститься. Мне не дали проститься с детьми. Посадили меня в машину, привезли меня в Кресты. Когда я вошла в камеру, там негде было встать. Забито было все. Я как-то пробралась, где-то мне какой-то кусочек освободили, я села. Женщины все плачут, но одна из самых сильных говорит: "Что ты плачешь, мы все здесь такие". Сильные женщины умели и могли успокаивать других, более слабых. Говорят, что "ты не одна здесь, у всех у нас дети остались".

Дети мои остались одни. Сестра у меня училась в Ленинграде в институте. Когда ей сообщили, что меня взяли, она прибежала. ко мне, а детей уже нет. Она стала искать их по Ленинграду. Были такие распределители по возрасту. Старшей дочери было всего 8 лет, и она попала в один распределитель, а мальчик попал в другой. Я благодарна на всю жизнь моей сестре, которая следила за ними. Всякий отпуск к ним ездила. Сын оказался в Днепропетровске, туда увезли. А дочка — в городе Александров под Москвой. Я очень благодарю судьбу за то, что она сохранила мне детей. Моя подруга по несчастью оставила своего мальчика в Ленинграде с бабушкой, и они умерли с голода. Вот ведь какие судьбы.

Когда началась война, детей вывезли в Соликамск. Сын рассказывал, что везли их и на лошадях, и на поезде. Дети вывшей из одежды. Так вот у него прошло детство. Дочка рассказывала, что у них там была дедовщина. Они должны были каждый блин отдавать старшим. В общем, там было тяжело. Но все-таки она была старшей. Младшим досталось хуже. А сын, какой бы он холодный и голодный не был, но у него, наверное, наследственность была от отца, он был очень способный, все время учился. Еще раз говорю, что благодарна, что мне сохранили детей. Если бы я могла благодарить воспитателей, может быть кто-то жив из них? (плачет).

А мне в Крестах сразу после допросов дали 8 лет лагерей без суда Особым совещанием. Торопились очень. Потому что было много нас. Весь "Красный треугольник". Нас надо было скорее отправить, быстренько — в баню. Дали мне маленький кусочек мыльца. И сказали — 5 минут. Но я из числа проворных. Я что-то там сумела как-то помыться, никаких ни полотенец, ничего нету, так, кое-как. И ночью повели на вокзал. Какой уж вокзал, я не помню, наверное. Ярославский, поскольку нас везли потом во Владивосток. Когда нас, спустя некоторое время, погрузили в вагон, женщины разразились рыданиями. Через какое-то время, открывается дверь. Внизу стояли две собаки, по сторонам военные с револьверами на нас. Это на нас, понимаете?! Вскрикивает один из офицеров, оглядел всех, пересчитал, указывает на меня и говорит: "Вот вы отвечаете за поведение, за питание в вагоне, я вас назначаю старостой". Ну вот и поехали. Ехали мы очень долго. В вагоне была чугунка и бочка с водой. Это был уже октябрь. Холодно было. И вот что странно. Давали очень много хлеба. Больше того, мы топили, топили хлебом. Давали еще соленую рыбу, поскольку я староста, я должна была распределить. Большущие, длинные, соленые рыбы. Какой-то мальчик принес нам какую-то железяку. Он нам приносит какую-то железяку и мы таким образом резали рыбу. Вода у нас в бочке была, но тут как-то упал валенок туда. Ну, на это мы как-то не обращали внимание. Вышли все. Там уже были двухэтажные нары. Начали внизу замерзать мои подружки. Стали волосы примерзать к стенам. Укрыться нечем. Вверху было все-таки теплей. Ну, и как староста, и потом обладаю таким гибким характером, я должна была как-то уговорить их. Повлиять. Послушали меня, передвинулись. Но, надо сказать, перед этапом кое-кому успели передать кое-какие передачи. И мне сестра успела немножко передать... Ехали мы очень долго, наверное, месяца два. Когда нам было тяжело, пели песни, потому что женщины были разные. Были очень мужественные и смотрели на это, как на недоразумение. Все думали, что это все пройдет. Не может этого быть, что наши мужья — враги. Учились в институте, и все. У меня муж был такой патриот, такой скромница.

У нас была одна женщина, директор трикотажной фабрики. У нее было два сына, она была еврейка, из Киева. И сыновей расстреляли там, а она у нас страдала. Чудесный была человек, чудесный. Короче. Приехали мы в Томск. Сначала Томск был, да. Привели нас ночью в тюрьму. Приходит начальник очень важный и говорит, что наша тюрьма всю жизнь славилась самой большой строгостью, и действительно, нары были двухэтажные, такие грязные, что на них был слой, буквально слой, чуть ли не в пять сантиметров такой грязи. В углу стояла параша. Вот тут уже параша была. Этой парашей было пользоваться настолько тяжело, что мы не знали, что делать. Парашу выносили каждый день, по очереди. Когда нам принесли баланду гороховую, грязную очень, чуть ли не с крысиными хвостами, мы посмотрели и вызвали начальника, говорим, что мы это есть не будем. Нашлись такие женщины, что припугнули его своим положением и положением их мужей. Так оно и было по сути. Крупные инженеры и начальники. Они, наверное, испугались немножко, потому что контингент был действительно очень культурный у нас. Через

некоторое время нам предлагают такую зону. Закрытую, глубокую зону, обнесенную высоким кирпичным забором, где мы должны сами себя обслуживать. То есть, была там кухня, где я была бригадиром. Я всегда была очень активной, ну, молодая, конечно, и вообще по натуре такая. Там был медпункт, нашлись у нас врачи. Даже зубной там кабинет. Там нас было тысячи две. В бараках было так тесно на нарах, что пришлось палочками измерять, чтоб каждой досталось сантиметров по двадцать. Мы поворачивались по очереди, все сразу, по команде. Работали двенадцать часов в день, потом двенадцать часов ночная смена. Ночная смена готовила к следующему дню. Что мы делали: рубили капусту, чистили свеклу — варили, картошка была у нас, рыба даже была. Мы даже жарили рыбу там. Вместо подносов были такие фанерные доски. Фанерные доски мы скоблили. Винегреты готовили. Не могу сказать, что мы там были голодные. И, поскольку мы сами готовили, у нас было чисто.

Моя мечта была одна. Я как-то смотрела на эту стену, высокую. И вот на заре, где-то далеко, слышится пение петуха. Я никогда не могу забыть этого, потому что думала — я, как освобожусь, пойду я в поле, лягу среди травы, буду смотреть на небо и слушать петуха. Это была моя заветная мечта, как я выйду. Переписки не было никакой. И у нас не было никакого сношения с миром. Однажды у нас испортилось электричество. Для того, чтобы нам исправить электричество, нам нужен был монтер. Всех согнали в бараки, пришел монтер, чтобы не видели мужчину, чтобы не было, наверное, никаких соблазнов, и ничего. Таким образом починили. Я, работая в ночную смену, приходила утром, у нас в камере была жена Якира², почему-то она меня звала "уютной женщиной". И вот она меня охотно встречала, и мне было поручено читать. Я хорошо читаю. И была у нас единственная книга, пьесы Островского, толстая такая книга. Я, приходя с работы, читала, все охотно слушали. Жена Якира, очень симпатичная такая женщина в летах, но она, к сожалению, была с нами очень мало. Потом у нас была жена Чудова², секретаря обкома Ленинградского. Ее фамилия Шапошникова. Она была директор нашей кухни. Ее и жену Якира убрали. И еще со мной была сестра Бухарина. Мы не знали, что с ними было потом... Вот так и пережили мы зиму.

Каждый день был шмон. То есть, значит, всех трясли. Я даже не знаю, не могу вспомнить, какие тряпки у нас были. То есть, нам какие-то давали бушлаты. И был у меня очень такой печальный случай в кухне. Мы варили овсяную кашу, но овсяная каша имеет свойство оседать. И, естественно, поскольку нам такую массу надо было кормить, мы крутым кипятком ее разбавляли, у нас были громадные весла, котлы-то были большие, мы это разводили. И на меня пошла жалоба, что я развожу пищу. И меня сажают в карцер. Карцер не такой уж страшный. Это такая была маленькая комнатка. Давали только на весь день кружку жидкого супа и грамм двести хлебца. Я там просидела 20 дней. Так самые интересные разговоры там были о кулинарии. Кто супы "готовил" какие-то, кто пельмени, кто торты особенные. Это был изумительный разговор. Там со мной сидела одна артистка московская, эстрадная была артистка. Такая была веселая, не поддавалась никогда, она со мной на кухне тоже

работала. Когда я вернулась в камеру, меня мои подруги очень ждали, тянулись ко мне со всех нар, все хотели меня накормить, обогреть...

Потом нас распределили по срокам и отправили во Владивосток. Приехали мы во Владивосток, и вдруг слышим мужские голоса. Это было потрясающе! Мы не слышали мужских голосов, ну, сколько не слышали, наверное, год прошел. Охранники ведь тоже были женщины.

Но тут мы услышали нормальные мужские голоса. Все замолкли. С удовольствием слушали. Откуда, где-то там мужские голоса. Во Владивостоке мы увидели бытовиков. А вот, когда мы поехали, нам в окошечко были видны составы с заключенными мужчинами. У них были грустные выражения лиц. Кто уж там ехал, мы, конечно, не могли ничего знать. Из Владивостока нас

- 125 -

погружают, везут в Находку, где ждет нас громадный пароход "Дальстрой". В глубокий трюм погрузили бытовиков, а нас повыше. Но что удивительно, трап был узенький. Вот сейчас бы ни один не прошел бы. А тут все шли. Короче, в этот трюм нас поместили, теснота ужасная, причем опять накормили нас, тогда была очень жирная селедка иваси, всех нас накормили этой селедкой. И вот был очень сильный шторм. Такой шторм. Ну, естественно, у всех была очень сильная рвота. И что же придумали. Стояли бочки. В эту бочку уж я, так неприлично говорить, в эту бочку все это.., а в это время нас всех так несло. И утром какие-то мужики приходили и ведрами зачерпывали это, а шторм был страшный. Но доехали все-таки до Магадана. Сколько мы ехали, я не помню, долго что-то. Магадан, тут уж нас выгрузили и такая была прожарка, очень прожаривали нас. Все с нас снимали, прожарили. А нам выдали уже тут казенную одежду. Казенная одежда, довольно, я бы сказала, даже очень симпатичная. Мне досталась кофточка, юбочка, бутсы, конечно, огромные были на ногах. Бушлаты и защитного цвета шапки. У всех одинаковые, мы друг друга даже не узнавали.

И вот нас строем, опять бесконечно считают, бесконечно пятерки. Привели нас в огромный, огромнейший новый, только что отстроенный такой барак. Где все, и бытовички, и мы, все. Трехэтажные нары. А холод, холод, зима. Какие-то стояли бочки, которые отапливали. Но бочки-то надо чем-то топить, а мы не способны ни на что, мы не умеем ничего. Мы же все городские жители. Так спасали нас эти бытовички. Какие-то чем-то там рубили эти щепки. И вот таким способом. Ни начальства, ничего. В конце концов сказали, что вы будете работать на фабрике. Я там шила, опять бригадиром была. У меня бригада — 50 человек была. Я выводила ее на вахту. Отсчитывали пятерками, строила пятерками, отчитывалась. И таким образом я возвращалась. Вот представьте себе, когда вьюга, когда холод. Надо идти в ночную смену. И я прошу всех выйти. Там были старушки, и я умоляла, чтоб они хоть вышли как-то.

Короче говоря, шили. Пришивали пальцы, потому что гнали очень. Двенадцать часов подряд. А после ночной смены приходили, чистили уборную. Уборная была большая. Мы называли очки. И вот вокруг это все надо было очистить. Я жалела свою бригаду. Я уж и говорю им, ладно, кончайте, я уж сама. Беру весь инструмент, все уберу, они после у меня уже там все повалились спать, а я иду на кухню, выпрашиваю что-нибудь для моей бригады. Луковинку, чесночку. Что-нибудь побаловать мою бригаду. Они у меня спят — а я им поя подушечки. Они меня очень любили за это. Вот, наш бригадир, Сонина. Ну, короче говоря, я их очень жалела, потому, что им там доставалось. Поскольку я была такая активная, тут пошла полоса посылать в домработницы. И меня посылают не к кому-нибудь, а к начальнику, к заместителю Дальстроя, Корсакову. Генерал он, он заместитель был Никишова, а Никишов был начальник Дальстроя. Посылают меня туда. Очень важная квартира, вся в коврах. Я так вся испугалась. Мы все еще так скромно жили в Ленинграде... и ... вообще для меня это было потрясающе. Утром они уходят, хозяйин с хозяйкой, очень важные. С таким пренебрежением меня встретили, можно подумать, что я какая-то преступница. Я осталась наводить чистоту. Вы знаете, я открыла один шкаф, такой узкий был высокий шкаф — он весь был набит сапогами, хромовыми такими, шикарными. Так вот стояли эти сапоги. Какая у них жадность была. Открыла сундук, сундук полон модельной обуви. У них была дочка, лет шестнадцати, наверное. Ковры, я должна была все это выбивать. Стирала я белье, у них пододеяльники, сплошь ригелье. Один пододеяльник я гладила часа три, наверное. И вообще, знаете, я должна была ее туалет готовить, каждый день, чтоб к утру он был готов. Она тоже работала следователем там. Но у меня случилась беда. Заболел вот этот палец. Он стал сильно нарывать. Я говорю, что я не могу уже ни готовить, ничего не могу. Она испугалась этого дела. А дочка была такая, что за ней надо было следить, как за малым ребенком. Короче говоря, хозяйка испугалась и отправляет меня в другую командировку. Говорит:

"Ну, хорошо. Я вас отправляю". И отправляет с такими словами: "Если вы что-нибудь скажете про нашу квартиру, про нашу жизнь, я вас загоню туда, где Макар телят не гоняет..." А потом меня отправили на хлебозавод работать. Надо сказать, впечатление какое-то очень хорошее. На мне была синенькая блузочка, беленький воротничок. Пришла я туда, и все стали очень ухаживать за мной. Старались мне как-то угодить и угостить, и все такое. Но, к сожалению, я там проработала дней десять только. Меня вызывает опять начальница лагеря, которая была женой Никишова, Гридасова — красавица. Он ее нашел на прииске. У него жена старая в Москве. А там вот эта — красавица. Потом я расскажу про своего второго мужа, Блохина, фотокорреспондента. Я познакомилась с ним у Никишовых. Так вот, вызывает меня эта начальница Гридасова и говорит: "Я вас посылаю к Федорян, он лейтенант, им требуется домработница."

Меня везут, вернее, ведут к этим вот Федорянам. Тут уже скромная обстановка. Одна комната, коммунальная квартира. Приходит хозяйин мой, Федор Петрович, добрым словом вспоминаю. Познакомился со

мною. Водит меня по кухне, вводит меня в квартиру и говорит: "У нас умерла девочка трех месяцев, жена в больнице, поехала за девочкой. Надо будет ее одеть, надо будет ее собрать к похоронам. Он ушел. Оглянула я комнату, это было уже начало дня, и навожу порядок. Вскоре они приводят в гробике девочку. Надо было ее там собрать и все... Они повезли ее на кладбище. Когда они ее увезли, я сделала полный порядок, как полагается после покойника. Убрала все, все детские игрушки. И накрыла стол, чтоб они пришли, и уже был стол. Когда они пришли и говорят, что мы должны вас по сути дела отправить, потому что у нас нет уже ребенка. А хозяйка говорит, что она сделает все, чтобы я у них осталась. Короче говоря, я осталась у них. Надо сказать, что Колыма снабжалась в то время шикарно. У нас, во-первых, не было черного хлеба. Америка же нам давала муку. Только буханку хлеба выпекали Никишову, а так все был белый хлеб. Ну, и тем более, я находилась в семье работников НКВД. И она, и он работали там. Я ходила в закрытый распределитель. Там уже в феврале были фрукты даже, у нас мясо всякое было всегда. Все, в общем. Я только успевала готовить. Готовила и рукодельем занималась. Хозяйке я, конечно, очень понравилась. Я все перечинила, перештопала. Я вышила ей целый портьер, ришелье. В общем, очень много занималась я. Короче говоря, через десять месяцев рождается дочь у хозяев. И я начала воспитывать эту дочку. Прожила там я четыре года, до самого освобождения. Затем мы все поехали дальше на север. Хозяина назначили начальником райотдела. И вот к Федорянам стал ходить фотограф, снимать семью Федорян. Так мы с ним познакомились.

Освободилась я в сорок пятом году. Хозяева меня очень не отпускали. Девочка, которая меня очень любила, и хозяйка очень расстроенная была, что я ухожу от них. Поскольку у меня правильная речь. И я девочку растила нормально. Ведь девочки все наши, домработницы, все освободились. Значит домработница должна была блатнячка быть, им это не нравилось. Ну вот освободилась я, какой-то уголок там нашла. И у меня начинается жизнь с Блохиным. Но я хочу сказать сейчас о Сонине. Когда его арестовали в Ленинграде, на Литейном проспекте стояла очередь, как демонстрация. Мы, жены, добирались до окошечка, чтобы узнать про мужей. Додумали там по алфавиту. Моя буква "С". Дохожу я до того окошечка. И мне говорят - десять лет, без права переписки. Расстрел. Я реабилитацию имею посмертную. Могу показать. И все. Что я могу еще сказать, конечно, ничего больше нет. Он был кристальный человек, скромница. Он так хорошо учился. Какие были чертежи, посвященные мне, было так все прекрасно. Прожили мы с ним всего девять лет. Очень мало. Я не могу себе представить, как такой молодой здоровый человек, и ему пулю в затылок... И вот, когда я в Магадане стала встречаться с Блохиным и его товарищами, они мне сказали, что десять лет без права переписки — это расстрел. Ну, что я стала думать? У меня на материке двое детей. И вот этот Блохин Сергей Кириллович, поскольку он обратил на меня внимание, мы с ним стали на улице встречаться. Стали говорить. У меня ведь дети в детдомах. Мне сестра уже сообщила, что она видела их, сообщила их адрес. Мы

переписывались. Блохин Сергей Кириллович, рождение его 1906 года. Имел он восемь лет за контрреволюционную деятельность. Значит, знакомые у него были. Очень близко он был знаком с Власиком¹, охранником Сталина. А Сталина он снимал, он и Светланку² снимал. Бывал со Сталиным в Сочи на даче. И шашлыки вместе делали. Ворошилова он учил фотографии. Блохин Сергей Кириллович, будучи еще мальчиком четырнадцати лет, его из деревни направили в частную мастерскую Грановского, фотография Грановского. Он очень полюбил это дело. Потом его определили на работу в НКВД, а потом он стал работником ТАСС. Он снимал портреты Сталина на XVII съезде партии. Это очень известные, знаменитые, снимки.

Когда он освободился, стал работать заведующим фотографии, появились деньги. Первым долгом мы послали детям денег. Я поехала собирать детей, чтобы привезти их в Магадан, дети-то рассыпаны у меня были. Плюс к тому его дочь от первой жены у бабушки росла. Я ехала тоже на пароходе, долго очень ехала. Очень была трогательная встреча с дочкой. Я ее оставила восьмилетней, встретила семнадцатилетней. Я приехала в город Александров, она знала уже, что я буду. Это было под вечер. А у нее были очень пышные красивые волосы. Я вижу, что она бежит, Софочка. Бросилась ко мне, тут народ. Я плачу, она плачет. Я говорю, что больше мы с тобой расставаться не будем. Очень трогательная была встреча. Привела она меня в общежитие, на другой день я пошла к директору, и мне ее отдали. Я ее привезла в Москву. За сыном съездил мой брат. Его уже из Соликамска направили на Украину. Двенадцатилетний мальчик. Я взяла Наташу, дочку Сергея Кирилловича, собрала ее. Потом еще племянницу. И я сама пятая. Мы ехали очень медленно до Владивостока. Останавливались где попало, даже у меня дочка Сергея Кирилловича выбегала за грибами в лес. А младший сын "костерик" разводил на земле, кашу варили. Старшая дочка, Софочка, порядок наводила в вагоне. Ехали месяц до Владивостока.

Приехали мы в Магадан с такой семьей. Ну, муж мой, Сергей Кириллович, уже организовал комнату, домработницу нашел, стол накрыл. Он с грузовой машиной встречает нас с товарищами. Обласкал моих детей очень. Обласкал детей, я ему благодарна очень, царство ему небесное, любил всегда моих детей. Дочка поступает в десятый класс, сын поступает в седьмой класс. Живем мы только год. И у него стало плохо с сердцем. Мы едем на материк, но в Москву нам нельзя. Мы едем в Пензу, у меня там был отец. Снимали мы там домик какой-то. Там рождается у нас еще дочка в сорок седьмом году. Папина дочка. Ей было полтора года, как приходят арестовывать опять Сергея Кирилловича. Это же вторично было, в ссылку. Опять обыск, плакать нельзя. К печке поставили его спиной, и, значит, обыск настоящий. Его забирают... Чем мне было заниматься, когда у меня специальности нет. Я пошла фотографировать по деревням. Я снимала, а сын мой, Леня, мне помогал. Пока он был в Магадане, он всему у отца научился. Даже ретушировал, проявлял все. Он мне проявлял и печатал, поскольку у нас оставался материал Сергея Кирилловича. Я на другой день везла уже готовые

карточки, везла по этим деревням. Таким образом, мне кто яйца, кто яблок, кто денег даст. А в тюрьму я стала ходить каждый день. В Пензе рынок был хороший. Была ряженка в горшках. Я в эту ряженку, в папиросной бумаге, кое-что писала и опускала в эту ряженку. Таким образом, что-то попадало ему. Надо сказать, что я его просто откормила. Он там тюремного ничего не ел, гимнастикой занимался. Дали ему ссылку навечно в Красноярск. Продали мы все, какие-то гроши собрала. На эти гроши и двинулась. Отец мне помог и все. Я приехала первая из жен ссыльных. Никого еще из жен там не было. Я приехала 10 сентября, пока еще навигация была.

Приехала туда — одни бараки. Где Блохина искать? Наконец, один мне сказал, что он живет через речку. Мы перебрались на ту сторону. Каждый месяц он должен был отмечаться. Я не принадлежала к ссыльным. Я устраиваюсь работать учительницей младших классов. Потом стала заведовать детским садом. Появилось какое-то хозяйство, картошки насажали. Сергей Кириллович мне поросеночка подарил, начали растить, фотографией заниматься. И там нас застаёт смерть Сталина. А у нас уже большущее хозяйство: корова, кур очень много. И вот опять надо дом разорять, в который уже раз. И вот оттуда мы уже приехали в Москву. Ну, в Москве-то нам нельзя было жить. Мы с Сергеем Кирилловичем поехали прямо по Павелецкой дороге, станция Вильяминово, там есть село Татариново. Заходим туда. Старушка говорит: "Я вас возьму. У меня тоже муж там страдает". Там у меня Любочка пошла в школу. Вижу я однажды сон, что будто бы мы сидим за столом, такое застолье милое, все выпивают, а мне Сергей Кириллович даже не может налить ничего. Я говорю, что ты мне вина даже налить не можешь. А тебе, говорит, вот что — и вытаскивает из кармана бумажку. В этот день он приносит мне ордер на квартиру. Вот. Очень такой интересный сон был. И реабилитацию мы уже здесь в 1956 году получили. Вот такая наша жизнь...

Я вот дочке говорю: не надо сейчас жаловаться. Надо быть предпринимателями. Нельзя бояться трудностей. Жизнь все равно прекрасна! Прекрасна жизнь. Когда птички поют, деревья распускаются. В лесу-то как хорошо. А сейчас — иди в церковь, там такая благодать! Выйдешь из церкви, наполнен благодатью. Почему я люблю нашу православную церковь. Она надежду дает людям и поддержку.

Публикация *Т. М.Горяевой*

¹ Запись сделана студентом РТГУ Ю. Бутуриным в 1990 г.

² "Кресты", бытовое название (по форме здания) — тюрьмой в Петербурге (Ленинграде). После революции 1905—1907 г.г. — приемник для политзаключенных; в настоящее время — следственный изолятор.

³ И.Э. Якир (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга. Член ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

4 Чудов М.С. (1893—1937), советский государственный и партийный деятель. В 1928—1936 г.г. 2-ой секретарь Ленинградского обкома партии. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

5 Власик Н.С. (1896-1967).

6 Аллилуева С.И., дочь Сталина И.В.